

"Гарри Поттер!" Голос позвал ветер. "Встань и суди!"

Я поднял голову. Вокруг меня были зелёные холмы и голубое небо. Над головой летали птицы, а неподалеку слышалось нежное стрекотание различных насекомых. Такого разнообразия природы за пределами заповедника я не видел почти пятьсот лет. Я перекатился на колени, изо всех сил стараясь не повредить хрупкие клинки под собой.

"Не волнуйся, Гарри. Здесь не нужно быть осторожным с травой". раздался знакомый голос. Не просто знакомый, а голос, который я мечтал услышать на протяжении восьмисот шестидесяти четырех лет.

"Гермиона?" прошептал он с мучительной надеждой.

"Да, малыш. Это я".

"Гермиона!" Я бросился к жене и одалил ее приветственным поцелуем, который она всегда любила. Она отдала столько же, сколько получила, и вскоре мы оба задохнулись. Каким-то образом наша одежда слетела с нас. Она была готова, и я одним стремительным толчком вошел в ее тело.

Это не было нежно, ласково или романтично. Это было дико, жестко, страстно и жестоко... вот и все. Он удовлетворил отчаянную потребность, которую мы оба испытывали, и удовлетворил очень хорошо.

Когда я почувствовал, что она достигла кульминации, я тоже отпустил себя. Я обнял ее содрогающееся тело, крепко обхватив ее руками, и она так же крепко обхватила меня.

Мы лежали, не отрываясь, просто глядя друг другу в глаза, нежно целуясь и вспоминая годы драгоценной любви, которую мы разделили.

...и, конечно, какой-то засранец все испортил!

"А теперь, когда вы двое выкинули это из головы...", - прервал наши любовные размышления вкрадчивый голос. "Вы должны присутствовать на суде".

Подняв глаза, я увидел почти полное отражение собственного лица. За исключением глаз. Глаза были лесные, а не зеленые.

"Папа?" Я откинулся на спинку кресла и начал испытывать приступ гипервентиляции. Гермиона наколдовала бумажный пакет и накрыла им мое лицо.

Это простое маггловское средство чудесным образом помогло мне сохранить рассудок. Стоявший перед нами идиот только рассмеялся.

"Ну, это не то приветствие, которое я обычно получаю, но, полагаю, это понятно. Я только рад, что твоя мать не пришла первой".

"Ты пришел первым только потому, что пристегнул меня к этому чертову стулу, Джеймс Поттер!" ответил ему яростный голос, и Джеймс Поттер покраснел и помотал головой из стороны в сторону, видимо, ища, куда бы спрятаться.

"Почему он боится?" спросил я у своей покрасневшей невесты. Покраснение было вполне уместным, если учесть, что я держал свои руки.

"Она знает, где он спит, Гарри". Моя прекрасная и самая изящная жена захихикала, делая восхитительные вещи со своей надстройкой.

"Ах..." Не раз оказываясь на плохой стороне нрава Гермионы, я прекрасно понимал, какое беспокойство испытывает мой отец.

Встреча с Мерлином.

Мама стояла там со слезливой улыбкой на лице, протягивая руки. Я оторвался от земли и оказался в ее объятиях так быстро, что я подумал, не вызвала ли она меня. Гермиона медленно встала, громко смеясь.

"Тише ты!" приказал я, что только заставило ее смеяться еще громче. Мне было все равно. Мама не обнимала меня девятьсот девяносто восемь лет и девять месяцев, и я собирался наверстать упущенное! Папа присоединился к объятиям, и Гермиона, которая никогда не оставалась в стороне от объятий, тоже сделала это.

Не успели мы полностью погрузиться в обнимашки, как к нам подошел незнакомец. Он был очень похож на Дамблдора, хотя и не такой высокий, и борода у него не такая длинная, и одежда не такая... вычурная. На самом деле он был одет в простую тунику поверх свободных штанов и сапог.

Поскольку мы с Гермионой были одеты менее чем подобающе, папа отправился поприветствовать новоприбывшего. Мама шипела: "Одевайтесь!".

Мы так и сделали.

"Гарри", - проговорил папа.

"Это Мирддин Эмрис". Он произносил его как "Мертхин", поскольку имя было валлийским.

"Мерлин?" спросил я. Сколько бы я ни жил и сколько бы знаменитых людей ни знал, встреча с величайшим из когда-либо живших волшебников была для меня чистой честью. Боюсь, я немного сболтнул лишнего.

Надо отдать ему должное: он все воспринял спокойно. Не считая знающей улыбки и дамблдоровского блеска в васильково-голубых глазах, он полностью игнорировал мою фанатичность.

Я чувствовал, как Гермиона трясется от смеха, стараясь не задеть мои чувства. Она такая, знаете ли.

"Гарри, в твоей жизни многое пошло не так, чего можно было бы избежать, если бы кто-то выбрал другую дорогу. Твоя жизнь была бы совсем другой, если бы два человека не возомнили себя богами и не развязали войну, чтобы поделить Землю между собой".

Мерлин усмехнулся, словно знал, что произойдет, раньше, чем это случилось, и сказал: "Раз уж мы заговорили об этом, то здесь есть кое-кто из твоих знакомых, кто хотел бы поговорить с тобой". Он указал мне налево.

И там стоял он, во всем своем мерцающем великолепии. Главная и окончательная причина всех моих несчастий. Его голубые глаза мерцали, длинная белая борода жаждала, чтобы ее выдернули, а дважды сломанный нос был идеальной мишенью для третьей попытки. "Гарри,

мальчик мой..." - это все, что он успел сказать, прежде чем я его уложил. Как же хорошо было размозжить клюв этому старому ублюдку!

Когда он упал на землю, я прорычал: "Не называй меня "своим мальчиком", ты, жалкий, мешающий старый ублюдок!" ~Как вам аллитерация?

По какой-то причине Дамблдор был шокирован. Он не мог сказать, почему.

"Гарри!" Мама выругалась. "Тебе обязательно было это делать?" Мерлин помог Альбусу подняться на ноги. Интересно, он сделал это специально? Насколько я понимаю, Мерлин был приверженцем вежливости и прочих подобных вещей. Конечно, он мог подстроить так, чтобы я снова его опрокинул... Бог свидетель, я хотел этого!

"Он уже мертв, мама. Я не могу придумать ничего более долговечного, поэтому выбрала то, что есть. Этот жалкий старый сукин сын несет полную ответственность за возвышение Гриндельвальда, миллионы погибших во второй мировой войне, Волдеморта, тысячи жизней, потерянных в Британии во время первой войны, ваши смерти, мою жизнь в качестве раба, воскрешение Волдеморта, смерть слишком многих других, смерть Гермионы, мое несчастное пребывание среди живых в течение последней тысячи лет и..."

"Все, что я сделал, я сделал ради высшего блага!" - благочестиво произнес старый манипулятор. Я снова ударил его. Он упал на землю, истекая кровью, а я стал кричать на него.

"Большого блага не бывает, болван! Когда ты забываешь обо всех меньших благах, ты становишься тираном. Подумай об этом немного, старый тупой ублюдок!"

"Гермиона", - Лили посмотрела на мою жену. "Попробуй его успокоить, а? Поцелуй должен помочь".

"Вообще-то, мне даже нравится это зрелище". В ответ она злобно ухмыльнулась.

Дамблдор потрясенно смотрел на нее, не в силах представить, что его самый ярый сторонник в жизни может найти удовлетворение в своем позоре, и тут же потускнел.

<http://tl.rulate.ru/book/103699/3607661>